

Реальные деловые циклы: их роль в истории макроэкономической мысли.

**Олег Замулин, Ph.D.
Российская экономическая школа
Осень 2004**

В 2004-м году нобелевская премия по экономке досталась авторам работ по теории деловых циклов – науке о том, почему экономический рост неравномерен и разные страны проходят через периоды экономических спадов (рецессий) и подъемов. Эти вопросы особенно актуальны для развитых экономик, которые в среднем растут со скоростью в 2-3% в год, но при этом периодически переживают спады – то есть, экономика отклоняется от долгосрочного тренда. Например, экономика США прошла через небольшую рецессию в начале текущего десятилетия, сейчас намечается спад в Европе, а японская экономика практически остановилась в 1990-е годы. Для России, пожалуй, эти вопросы сейчас менее актуальны, так как мы сейчас больше озабочены тем, чтобы выйти на траекторию догоняющего долгосрочного роста, а циклические колебания вокруг этой траектории имеют меньшее значение. Тем не менее, эти колебания есть и у нас, и игнорировать их нельзя.

Нобелевские лауреаты по экономике этого года переопределили для всей науки подход к моделированию таких циклов деловой активности и макроэкономической динамики вообще - может быть, самой спорной части всей экономической науки. Для этого они создали целое направление, под названием "реальные деловые циклы", получившее также неформальное прозвище "пресноводная макроэкономика", так как основные апологеты этой теории работали в городах, расположенных в Соединенных Штатах Америки в районе Великих озер: Миннеаполис, Чикаго, Рочестер. Основные их разработки пришлись на конец 1970-х - начало 1980-х годов. Но до сих пор для половины макроэкономистов они остаются основоположниками их науки, в то время как другая половина ("новые кейнсианцы") ожесточенно с ними борется. Что же предложили научному сообществу Финн Кидланд и Эдвард Прескотт, и почему их идеи настолько противоречивы?

Эта статья предлагает вниманию читателя краткий обзор развития макроэкономической мысли в XX-м веке и роль теории реальных деловых циклов и, более конкретно, нобелевских лауреатов 2004-го года, в этом развитии.

Предыстория: от Кейнса к Лукасу.

Не будет преувеличением сказать, что сегодняшнее состояние макроэкономической науки невозможно понять, не проследив путь ее развития. Прескотт и Кидланд не возникли на пустом месте; скорее, они естественным образом возникли на пепелище ранней кейнсианской теории, которая была повержена в 1970-е годы, как тогда казалось, навсегда.

Но начнем сначала. Современная макроэкономика как наука была по сути создана Джоном Мейнардом Кейнсом в 1930-е годы¹, чтобы объяснить Великую депрессию – самую масштабную рецессию в индустриальном капиталистическом мире XX века, а потому и самое значимое событие в современной истории деловых циклов. Существующая на тот момент теория, идущая еще со времен Адама Смита, никак не могла объяснить, почему с 1929 по 1933 год внутренний валовой продукт США и нескольких других развитых стран сократится на треть, а безработица достигнет 25%-го уровня. Классические теории основывались на предположении о том, что экономика находится в конкурентном равновесии, в котором рынок все улаживает – в частности, высокая безработица должна

¹ Keynes, John M., *The General Theory of Employment, Interest, and Money* (New York: Harcourt, 1936)

привести к падению зарплат до того уровня, при котором работодатели согласятся нанять всех желающих работать за эти зарплаты, и безработица должна исчезнуть сама собой. Однако на практике этого не наблюдалось, поэтому Кейнс предложил радикально новые идеи, суть которых сводилась к двум основным постулатам. Во-первых, экономика не находится в конкурентном равновесии в каждый момент времени, то есть, «невидимая рука рынка» не выполняет своей работы. Главная причина такого неравновесия – цены и зарплаты остаются фиксированными долгое время, в связи, например, с долгосрочными контрактами, и не подстраиваются под текущую рыночную конъюнктуру. Во-вторых, на каком уровне находится экономика, определяет совокупный спрос, который, в свою очередь, зависит от необъяснимых факторов, которые Кейнс обозначил туманным термином «животные инстинкты инвесторов». На базе этих двух предположений и была построена новая теория макроэкономики, согласно которой внутренний валовой продукт страны определялся тем, сколько потребители, инвесторы и правительство готовы потратить на приобретение товаров и услуг. Соответственно, деловой цикл, то есть, чередующиеся спады и подъемы экономики, определялись в этой новой науке именно колебаниями спроса, а не ресурсными возможностями страны. Кейнсианская теория стала основной теорией деловых циклов и продолжала удовлетворять большинство экономистов всего мира вплоть до 1970-х годов.

Конечно, нельзя утверждать, что теория деловых циклов не существовала до Кейнса вообще. Напротив, было множество различных учений о том, откуда появляются рецессии и бумы и почему они сменяют друг друга. Среди источников цикла назывались денежная масса, движения цен, технологии, погодные явления; упор делался то на кредитные рынки, то на рынки труда, то на рынки товаров. Среди ученых, исследовавших эти темы, были и австриец Готфрид Харберлер, и наш соотечественник Михаил Туган-Барановский, и многие другие, предлагавшие самые разные отдельные теории. Подробное описание существующих на тот момент теорий можно найти в книге Харберлера 1937-го года «Богатство и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний»². Огромное влияние на теорию деловых циклов того времени оказал также и Фридрих фон Хайек, который продолжал работать в этом направлении и после 1930-х годов.³ Но создание современной макроэкономики приписывают именно Кейнсу, так как он первый, подобно Ньютону стоя на плечах гигантов, объединил все три рынка (денег, труда и товаров) в единую систему в своей знаменитой «Общей теории» 1936-го года, хотя и не в единую формальную модель. Первую и основную формальную кейнсианскую модель IS-LM, которую по сей день изучает каждый студент в вводных курсах макроэкономики, сформулировал на базе теории Кейнса Джон Хикс в 1937-м году⁴.

Одним из выводов из ранней кейнсианской теории, который, к сожалению, часто принимается за основную идею, был в том, что государству в экономике отводится важная роль стабилизатора. А именно, государство обязано вести противочиклическую фискальную политику, увеличивая свои расходы в периоды экономического спада, то есть тогда, когда частный спрос в экономике мал. Именно таким образом Рузвельт пытался вывести экономику США из депрессии, увеличивая государственные расходы (таким образом стимулируя спрос) и именно таким образом в конце концов экономика вышла из депрессии во время Второй мировой войны, когда увеличились государственные расходы на вооружение.

² Haberler, Gottfried, *Prosperity and Depression. A Theoretical Analysis of Cyclical Movements*, (Geneva: League of Nations, 1937).

³ См., например, Hayek, F. A., *The Pure Theory of Capital*. (London: Routledge & Kegan Paul, 1941)

⁴ Hicks, John, "Mr. Keynes and the Classics. A Suggested Interpretation," *Econometrica* V (1937), 147-159.

В течение нескольких десятилетий, вплоть до 1970-х годов, споры велись в основном внутри кейнсианской теории. Разногласия в основном состояли в том, должно ли правительство вообще, а если да, то какими методами, пытаться стимулировать экономику в периоды спадов. По одному мнению, описанному выше, правительство должно было отвечать на спад увеличением госрасходов. По другому, стабилизация должна была достигаться контролем над денежной массой – эта точка зрения послужила началом доктрине монетаризма, согласно которой главная цель государства заключается в том, чтобы не допускать сильных колебаний денежной массы, наподобие того падения, которое произошло в начале Великой депрессии. Но обе эти точки зрения основывались на том, что главный источник цикла – колебания спроса, и поэтому различия между «кейнсианцами» и «монетаристами» 1950-х и 1960-х годов на сегодняшний день полностью стерлись⁵.

В 1970-х годах случилось очень важное событие в истории макроэкономической политики, которое нанесло мощный удар по представлению ученых о том, как оперирует макроэкономика, и которое явилось импульсом для пересмотра всех моделей и привело к рождению теории реальных деловых циклов Кидланда и Прескотта. Связано это событие было с тем, что незадолго до этого, в 1958-м году, британский экономист Филлипс открыл свою знаменитую кривую, показывающая четкую отрицательную зависимость между инфляцией и безработицей в Англии и США⁶. Интерпретация кривой Филлипса легко прослеживалась в кейнсианской теории: увеличение спроса, вызванное либо ростом денежной массы, либо госрасходами, либо животными инстинктами инвесторов, заставляло производителей одновременно увеличивать цены (инфляция) и выпуск (увеличение занятости и падение безработицы). Поэтому, увидев кривую Филлипса, политики как в США, так и в Великобритании, решили, что такая зависимость дает им выбор: либо иметь в стране высокую инфляцию и низкую безработицу, либо, наоборот, высокую безработицу с низкой инфляцией. По политическим причинам политики, в лице администрации тогдашнего президента США Ричарда Никсона, в конце 1960-х и начале 1970-х годов уговорили главу Федеральной резервной системы запустить печатный станок с целью повысить инфляцию и понизить безработицу. Результат, однако, разочаровал экспериментаторов, так как план удался ровно наполовину: инфляция действительно выросла, а вот безработица падать не стала. По мере того как инфляция росла и превысила высокие для Америки 5% в год, появлялись призывы бороться с ней, но опять-таки, Никсон настаивал на том, что безработица важнее (хотя она и так была на весьма невысоком уровне, ниже 4%), и ФРС продолжала печатать деньги. В итоге, к концу 1970-х годов инфляция достигла двухзначных значений⁷. В Великобритании происходило примерно то же самое.

Причина фиаско денежных властей была сформулирована нобелевскими лауреатами прошлых лет Милтоном Фридманом (премия 1976-го года) и Робертом Лукасом (премия 1995-го года), а также нынешними лауреатами Финном Кидландом и Эдвардом Прескоттом⁸. Основная идея их критики заключалась в том, что ни в коем случае нельзя

⁵ В некоторых статьях современные кейнсианцы подчеркивают свое полное согласие с основными постулатами монетаристов и открыто признают давние споры между этими школами надуманными (см., например, Ball, Laurence and Mankiw, N. Gregory, "A Sticky-Price Manifesto", *Carnegie-Rochester Conference Series on Public Policy*, 1994, 41(0), 127-151)

⁶ Phillips, A.W., "The Relationship Between Unemployment and the Rate of Change of Money Wages in the United Kingdom, 1861-1957," *Economica* 25, November 1958, 283-299.

⁷ Подробное описание действий и мотивации властей можно найти, например, в статье DeLong, Bradford "America's Peacetime Inflation: The 1970s," in Christina Romer and David Romer. eds., *Reducing Inflation: Motivation and Strategy* (Chicago: University of Chicago Press, 1997)

⁸ Соответствующими работами являются Friedman, Milton "The Role of Monetary Policy," *American Economic Review*, LVIII (1968), 1-21., Lucas, Robert E., "Some International Evidence on the Output-Inflation Trade-off," *American Economic Review*, LXIII (1973), 326-334, Lucas, Robert E., "Econometric Policy Evaluation: A Critique," *Carnegie-Rochester Series on Public Policy* 1 (1976)., Kydland, Finn and Edward Prescott, "Rules Rather than Discretion: the Inconsistency of Optimal Plans," *Journal of Political Economy* 87, June 1977, 473-492.

использовать эмпирические закономерности, такие как кривая Филлипса, в целях экономической политики, так как связь между переменными не означает причинно-следственной зависимости. Закономерность, найденная в кривой Филлипса, по их мнению, была следствием непостоянной и непредсказуемой денежной политики, проводившейся до 1970-х годов (тогда денежной политике вообще уделялось мало внимания). Неожиданные изменения денежной массы в прежние годы действительно приводили к временной инфляции и временно низкой безработице в связи с колебаниями спроса, вызванными несистематическими изменениями денежной массы. Когда же власти попытались использовать эмпирическую закономерность, изменения денежной массы стали полностью предсказуемы, и сама эта закономерность перестала существовать - начиная с 1970-х годов кривая Филлипса в прежнем виде не наблюдалась.

Но главное, Лукас, как в своей знаменитой статье 1976-го года, так и в ряде других важных работ, раскритиковал не только конкретные действия властей, но и всю кейнсианскую теорию деловых циклов за то, что она игнорировала оптимальное поведение экономических агентов, включающее в себя формирование рациональных ожиданий. Он постулировал, что в отличие от инвесторов и потребителей в кейнсианских моделях, которые следует неким абстрактным правилам поведения, экономические агенты делают в среднем верные прогнозы будущего состояния экономики, и ведут себя оптимально со своей точки зрения, то есть, максимизируют свою прибыль или благосостояние. Таким образом, когда власти в 1970-х годах объявили о том, что они начинают печатать деньги, производители стали ожидать грядущую инфляцию, и немедленно отреагировали на это повышением цен. Они понимали, что иначе им придется производить большие объемы товаров и продавать их по заниженным ценам.

Теория реальных деловых циклов.

В 1970-х годах критика Лукаса и введение понятия рациональных ожиданий использовались в основном деструктивно, то есть, в целях дискредитации кейнсианской теории и демонстрации того, чего центральные банки не могут достичь. Поэтому появился немедленный спрос на конструктив, на некую альтернативную теорию деловых циклов, то есть, объяснение того, почему экономики переживают периоды подъемов и спадов и что должны делать власти в каждой из таких ситуаций. Именно эту нишу и заполнили нобелевские лауреаты этого года. В своих статьях⁹ Кидланд и Прескотт предложили новое описание делового цикла, основанное на оптимальном поведении экономических агентов при рациональных ожиданиях. То есть, они попытались объяснить все колебания экономики как равновесное явление, в связи с чем их так же стали называть «новыми классиками».

По своей сути и предположениям, модели реальных деловых циклов просты. Они предполагают, во-первых, что фирмы максимизируют свою прибыль и принимают решения об инвестициях исходя из ожиданий будущего спроса на их товар и развития технологий. Хотя эту гипотезу можно и критиковать, тем не менее, мало кто не согласится с тем, что любой предприниматель пытается выжать максимум из располагаемых ресурсов и обдумывает тщательно каждое инвестиционное решение с точки зрения ожидаемых будущих доходности и рисков.

Во-вторых, эти модели предполагают, что домохозяйства ведут себя оптимально со своей точки зрения, то есть, их потребление зависит от того, какой доход они ожидают получить в течение всей своей жизни. Они не будут тратить все, что заработали в этом году, если не

⁹ Kydland, Finn and Edward Prescott, "Time to Build and Aggregate Fluctuations," *Econometrica* 50, November 1982, 1345-1370; Prescott, Edward, "Theory Ahead of Business-Cycle Measurement," *Carnegie-Rochester Series on Public Policy* 25, Autumn 1986, 11-44.

рассчитывают получить столько же в следующем. Аналогично, если они рассчитывают на рост доходов в будущем, то они будут жить в долг, потребляя больше своего текущего дохода. Таким образом, они ведут себя согласно гипотезе постоянного дохода (или жизненного цикла), простейший случай которой описан, например, в классических работах Милтона Фридмана, а также Модильяни и Брумберга¹⁰. Хотя такую рациональность поведения домохозяйств отстаивать уже труднее, тем не менее, многие доводы поддерживают такую гипотезу. В конце концов, в развитых странах люди сберегают себе на старость, в то время как молодые люди, особенно студенты, зачастую живут практически в долг. С другой стороны – вывоз капитала из России во время высоких цен на нефть можно интерпретировать как сбережения на будущее, на случай если цены на нефть упадут. Многочисленные формальные эмпирические исследования обеспечили поддержку гипотезе постоянного дохода, хотя только и отчасти.¹¹

Кидланд и Прескотт написали целую серию научных статей, показывающие динамические модели (в отличие от статических кейнсианских моделей), основанные на этих предположениях. Они показали, какое стоит ожидать поведение всех основных макроэкономических переменных, таких как внутренний валовой продукт, инвестиции, потребление и сбережения, экспорт и импорт, в зависимости от технологических изменений в производительности труда, изменений внешней конъюнктуры. Авторы также проделали огромный труд, сравнивая полученные в своих моделях результаты с эмпирически наблюдаемым поведением экономики, то есть, степени колебаний разных переменных и их корреляции. Они продемонстрировали, что результаты их моделей в общем и целом соответствуют наблюдаемым закономерностям. Один из основных выводов заключался в том, что большая часть колебаний ВВП в развитых странах соответствуют по своему размеру предсказанным в равновесных моделях – то есть, нет необходимости вводить в модели отклонения от рыночного равновесия, как делал Кейнс, и соответственно, нет нужды в проведении какой-либо стабилизационной политики со стороны государства.

Во-вторых, они объяснили, почему наблюдаемое в реальной жизни потребление колеблется меньше, чем выпуск, а инвестиции – больше. По их теории это происходит в результате оптимальных действий домохозяйств и инвесторов. Цепочка рассуждений выглядит так. Предположим, в России произошло улучшение внешней конъюнктуры, то есть, выросли мировые цены на нефть, но при этом все ожидают, что это изменение цен - временное. Потребители, понимая, что доходы не будут высокими всегда, сберегают значительную часть на будущее, и тратят только незначительную часть от этих «дополнительных» доходов. То есть, они пытаются каждый год тратить на потребление более-менее постоянное количество денег независимо от текущего дохода, то есть, «сглаживать» потребление. Производители, с другой стороны, понимают, что временно их прибыли будут больше, в связи с улучшенной мировой конъюнктурой, и для получения этих прибылей они резко увеличивают инвестиции, расширяя свои производственные мощности. То есть, инвесторы сильно реагируют на любое изменение в ожиданиях о будущих прибылях. Таким образом, сильные колебания в инвестициях, которые Кейнс приписал «животным инстинктам» и считал источником делового цикла, Кидланд и Прескотт смогли объяснить как равновесное явление. Можно утверждать, что именно это и происходит сейчас в России – высокие цены на нефть и рост производительности труда приводят к инвестиционному буму, а потребительский бум происходит во многом в секторе товаров длительного пользования (бытовая техника, электроника), покупку которых логично также счесть инвестициями, так как эти товары покупаются для использования в долгосрочной перспективе, а не для

¹⁰ Friedman, Milton, *A Theory of the Consumption Function* (Princeton: Princeton University Press, 1957); Modigliani, Franco and Richard Brumberg, "Utility Analysis and the Consumption Function: An Interpretation of Cross-Sectional Data," in K.K. Kurihara, *Post-Keynesian Economics*, 388-436 (New Brunswick: Rutgers University Press, 1954).

¹¹ См., например, книгу Deaton, Angus, *Understanding Consumption* (Oxford: Clarendon Press, 1992)

получения сиюминутной полезности. Так, например, согласно данным Госкомстата, во втором квартале 2004-го года российский ВВП вырос на 7.3% по сравнению с таким же периодом прошлого года, а инвестиции – на 15%. В полном соответствии с прогнозами равновесных моделей Кидланда-Прескотта, инвестиции демонстрируют более активную динамику, чем общий выпуск и потребление.

Но, может быть, главное, что привнесли в науку нобелевские лауреаты прошлого года – они разработали методологию анализа динамических стохастических моделей общего равновесия с рациональными ожиданиями агентов. Таким образом, они объединили многие разработки ученых до 1980-х годов в единую систему. Эта система остается базисом для большинства современных моделей и преподается во всех ведущих аспирантурах мира, даже теми профессорами, которые не являются сторонниками данных теорий.

Своим названием теория реальных деловых циклов обязана тому, что основным источником экономических колебаний (периодов быстрого и медленного роста, равно как и рецессий) должны быть изменения производительности труда или других "реальных" факторов, таких, например, как международные цены на нефть. Именно неравномерные изменения в этих переменных, с точки зрения авторов, ведут к неровному росту экономики. В остальном же экономика находится в устойчивом равновесии, то есть любые отклонения от равновесия (такие как безработица) экономика вылечивает сама, используя рыночные механизмы, если, конечно, ей не мешать. Такой вывод идет в разрез с традиционным кейнсианским подходом, который всегда приписывал краткосрочные колебания экономики изменчивому спросу, движимому необъяснимыми животными инстинктами. Соответственно, практические рекомендации для властей у Кидланда и Прескотта тоже заключаются в минимальном вмешательстве в экономику, из-за чего их и назвали «новыми классиками».

Пророки или злые гении?

Хотя вклад нобелевских лауреатов этого года в экономическую науку ни у кого не вызывает сомнения, согласия в стан макроэкономистов их исследования не принесли. Наоборот, макроэкономика разделилась на два лагеря, и Кидланд и Прескотт занимают главенствующие роли только в одном из них. В противовес "пресноводникам" из Миннесоты и Чикаго появились "солонководники", работающие в США на побережьях Атлантического и Тихого океанов в традиционных университетах, главным образом, в Гарварде, Стэнфорде, Массачусетском технологическом институте.

Образно говоря, слухи о смерти кейнсианской теории оказались несколько преувеличенными. После десятилетия поражений стали восстанавливаться основные идеи Кейнса, но уже облаченные в новый вид, то есть, эти идеи появлялись в моделях, основанных на оптимальном поведении экономических агентов и рациональных ожиданиях. Тем не менее, в этих же моделях остаются основные кейнсианские постулаты: экономика не находится в равновесии в каждый момент времени, и ею движет спрос, а не производительность труда¹².

Новые кейнсианцы объясняют неравновесия в экономике тем, что цены, особенно в низкоинфляционных странах, долго подстраиваются к равновесному уровню. То есть производитель назначает цену на свой товар, работодатель - зарплату своим работникам, а затем эти цены и зарплаты долго остаются неизменными, даже хотя спрос в экономике меняется. Действительно, видели ли Вы когда-нибудь, чтобы ресторан повысил цены, если в него вдруг придет необычно много посетителей? Даже если много посетителей будет

¹² Хорошим сборником статей, описывающим новую кейнсианскую теорию, является Mankiw, N.Gregory and David Romer, eds., *New Keynesian Economics* (Cambridge: MIT Press, 1991)

приходить систематически, ресторан будет некоторое время держать цены, например, чтобы сохранять лояльность своим постоянным посетителям, либо чтобы не проиграть конкуренцию другим ресторанам. Таким образом, он будет просто удовлетворять спрос по текущим ценам, и весь выпуск в экономике будет определяться совокупным спросом на все товары.

Новые кейнсианцы отстаивают свою точку, исходя как минимум из чисто зрительного наблюдения, что цены, а тем более зарплаты, меняются редко – согласно некоторым исследованиям, в США цена среднего потребительского товара меняется примерно раз в год¹³. Многие цены зафиксированы в каталогах или долгосрочных контрактах, и не могут считаться равновесными в каждый момент времени. Тарифы «естественных монополий» в России вообще зафиксированы государством и меняются от силы пару раз в год – в следствие этого, например, грузовые перевозки резко подешевели относительно остальных товаров сразу после кризиса 1998-го года.

Кроме того, кейнсианцы настаивают, что равновесные теории Кидланда и Прескотта не могут объяснить Великую депрессию, а как однажды сказал профессор Принстонского университета Бен Бернанке, теория деловых циклов, которая может объяснить только небольшие спады, но не Великую депрессию, это все равно что теория землетрясений, которая может объяснить только незначительные колебания земли. Согласно же теориям Кидланда-Прескотта, Великую депрессию должен был вызвать технический регресс, во что поверить трудно. В то же время, все больший объем эмпирических данных¹⁴ говорит в пользу того, что Великая депрессия стала результатом масштабного сокращения денежной массы, то есть, падением спроса, как утверждали еще Милтон Фридман и Анна Шварц в своей знаменитой книге «Денежная история Соединенных штатов Америки» в 1963-м году¹⁵.

Более современный пример расхождения взглядов этих двух школ – технологический бум 1990-х годов. Согласно теории деловых циклов, прорывы в области информационных технологий должны были привести к увеличению производительности труда, что стимулировало бы работодателей нанимать больше работников. Во всяком случае в США именно это и произошло – в 1990-е годы мы наблюдали бурный рост экономики и увеличение занятости. Однако согласно новой кейнсианской теории, ВВП страны в краткосрочной перспективе определяется спросом, и без расширения спроса технологический прорыв должен привести к сокращению, а не увеличению занятости – меньше работников теперь надо для того, чтобы удовлетворить все тот же спрос. Поэтому кейнсианцы считают, что сокращения спроса не последовало только потому, что Федеральная резервная система США параллельно расширила денежную массу, что и стимулировало дополнительный спрос¹⁶. Таким образом, новые кейнсианцы, в отличие от классиков, до сих пор отводят определенную роль государству – теперь эта роль отводится главным образом денежно-кредитной политике для сглаживания краткосрочных колебаний.

Другой источник неравновесия в кейнсианских моделях - ограниченный доступ к информации. За исследования в этой области нобелевские премии три года назад получили экономисты Джозеф Стиглиц, Джордж Акерлоф и Майкл Спенс. В том числе, они показали, что если качество работы подчиненного ненаблюдаемо, то работодатель будет завышать ему

¹³ Обширный обзор литературы на тему жестких цен был представлен в статье Taylor, John B. "Staggered Price and Wage Setting in Macroeconomics" in "Handbook of Macroeconomics," Amsterdam: Elsevier / North-Holland, 1999, editors Taylor, John B. and Woodford, M., Vol. 1B, Chapter 15, 1009-1050.

¹⁴ См. Bernanke, Ben, *Essays on the Great Depression* (Princeton: Princeton University Press, 2000)

¹⁵ Friedman, Milton and Anna Schwartz, *A Monetary History of the United States, 1867-1960* (Princeton: Princeton University Press).

¹⁶ Gali, Jordi, D. López Salido and J. Vallés, "Technology Shocks and Monetary Policy: Assessing the Fed's Performance," *Journal of Monetary Economics* 50, 2003, 723-743.

зарплату, чтобы работнику было что терять, если его уличат в отлынивании от работы¹⁷. В результате, завышенные зарплаты приведут к неспособности экономики нанять всех желающих работать, в результате чего на рынке будет хронически высокая безработица выше «естественного» уровня. По той же логике существуют кредитные ограничения, актуальные, в том числе, для сегодняшней России – банкам трудно различить настоящую рискованность бизнес-проектов, и соответственно, даже при большом спросе на займы, они не будут весь этот спрос удовлетворять¹⁸. Например, в первой половине 2004-го года российские банки держали огромное количество средств на корреспондентских счетах в ЦБ, отказываясь вкладывать их в какие-либо бизнес-проекты. Аналогично, коллапс банковской системы и отказы в кредитования реального сектора считаются многими экономистами как важный механизм развития Великой депрессии в США и Европе.

Вместо заключения: будет ли консенсус?

Если макроэкономическая теория деловых циклов разделена на два враждующих лагеря, почему нобелевскую премию дали именно представителям сторонников равновесного объяснения экономических флуктуаций? Ведь далеко не все разделяют их взгляды. На это есть, как минимум, два ответа.

Во-первых, представителям противоположного лагеря нобелевскую премию тоже уже давали - в 2001-м году ее получили Джозеф Стиглиц, Джордж Акерлоф и Майкл Спенс за исследования поведения рынков при отсутствии информации.

Во-вторых, и что более важно, новые кейнсианцы демонстрируют теорию, показывающую отклонения экономики от некоего равновесия. Однако само это равновесие было изучено именно представителями школы реальных деловых циклов. Современные кейнсианцы поэтому часто берут равновесные модели за базис, к которому они добавляют несовершенства рынка, такие как медленное изменение цен, неполную информацию и т.д.¹⁹ Они критикуют Кидланда и Прескотта не за то, что те придумали неправильные модели, а за то, что те слишком рано остановились, что их модели описывают только некую среднесрочную перспективу, в которой все устаканивается.

В свою очередь, представители школы реальных деловых циклов соглашаются, что их модели слишком просты и не в состоянии описать всю сложность экономических процессов. Они также ищут источники отклонения экономики от равновесия в краткосрочной перспективе, но не согласны с новыми кейнсианцами в том, что этим источником является медленное изменение цен.

Остается только выразить надежду, что в недалеком будущем споры улягутся и появится некий консенсус об основном источнике колебаний разных экономиках мира. И также хочется надеется, что скоро настанет время, когда в нашей стране мы тоже будем больше внимания уделять проблеме колебаний экономики вокруг какого-то равновесия с высоким

¹⁷ Shapiro, Carl and Joseph Stiglitz, “Equilibrium Unemployment as a Worker-Discipline Device,” *American Economic Review* 74, June 1984, 433-444.

¹⁸ Stiglitz, Joseph and Andrew Weiss, “Credit Rationing in Markets with Imperfect Information,” *American Economic Review* 71, June 1981, 393-410.

¹⁹ Примерами такого синтеза двух основных ветвей макроэкономики являются Goodfriend, Marvin and Robert King, “The New Neoclassical Synthesis and the Role of Monetary Policy,” *NBER Macroeconomics Annual*, 1997, 231-83; и Kimball, Miles, “The Quantitative Analytics of the Basic Neomonetarist Model,” *Journal of Money, Credit, and Banking* 27(4), November 1995, 1241-1277

уровнем ВВП, а не проблеме подъема экономики до этого уровня, как нам приходится делать сейчас.